

УДК 821.161.1+929 Марченко

ТВОРЧЕСТВО А.Я. МАРЧЕНКО В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Е.С. НЕКРАСОВОЙ

Т.В. Сварчевская

Тверской государственный университет,
кафедра истории русской литературы
E-mail: svarchevskaya@mail.ru

Статья посвящена изучению критической рецепции творчества А.Я. Марченко, писательницы второй половины XIX в. Материалом исследования послужили критические отзывы современников писательницы, которые свидетельствуют о дискриминационном отношении к женскому творчеству.

Ключевые слова: женское творчество, рецепция в критике, стереотипы восприятия, критерии оценки, литературная репутация.

The Creation of A.I. Marchenko in the Interpretation of E.S. Nekrasova

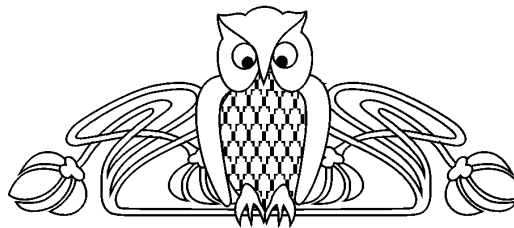
T.V. Svarchevskaya

The article examines the critical reception of the works of A.J. Marchenko, who wrote in the later half of the XIX century. The materials are critical reviews of her contemporaries, testifying to discriminatory attitude to women's creative work.

Key words: women's literature, critical reception, stereotyped reception, criterion of estimation, literary reputation.

Анастасия Яковлевна Марченко (1830–1880), талантливая писательница 1840–1860-х гг. (псевдонимы *Т.Ч.*, *А. Темризов*), разделила судьбу большинства авторов-женщин XIX в., чьи имена были забыты и вычеркнуты из истории литературы. Между тем творчество Марченко представляет значительный интерес, так как в большинстве своих произведений, таких как «Гувернантка», «Портрет», «Дина», «Мыльные пузыри» и др., она обращается к проблемам, ранее не привлекавшим внимания литераторов-мужчин, и в частности к проблеме женской креативности¹.

В своей статье мы обратимся к критико-биографическому очерку о Марченко, написанному ее младшей современницей Е.С. Некрасовой в 1889 г., т.е. спустя почти десять лет после смерти писательницы². Этот очерк появляется в рамках цикла статей, в которых Некрасова стремилась откорректировать ситуацию в отношении незаслуженно забытых женских авторов 1840–1850-х гг. – Е.П. Ростопчиной, Е.А. Ган, Е.П. Кульман, Н.А. Дуровой – и оценить их вклад в развитие литературы³. Статья Некрасовой интересна прежде всего как опыт первого монографического изучения творчества Марченко и попытка вписать его в литературный контекст. Важно также и то, что в ней намечены дальнейшие пути изучения творческого наследия писательницы. В отзыве Некрасовой литературное дарование Марченко

получает высокую оценку, однако признание ее таланта носит амбивалентный характер, поскольку в самих аттестациях латентно присутствует мысль о заурядности творческих возможностей писательницы.

В сфере компетенции критика оказываются в первую очередь факты творческого порядка, вместе с тем Некрасова обращается и к характеристике личности писательницы. Она стремится воссоздать целостную картину жизни и творчества Марченко⁴, однако основывается не на документальных источниках, а на материале художественных произведений, по-своему интерпретируя их. Так, например, говоря о причинах, побудивших Марченко к серьезным занятиям литературой, Некрасова апеллирует к повести «Гувернантка» и переносит на биографию писательницы обстоятельства жизни героини. Идентифицируя Марченко с ее протагонисткой, Некрасова, на наш взгляд, существенно искажает представление о писательнице.

Моделируя образ автора, критик ориентируется на традиционные, заданные мужским литературным канонам представления о пишущих женщинах. Свидетельством явно выраженной маскулинной ориентации критика может служить аттестация Марченко как «защитницы женского чувства», которая «и в жизни и в литературе задается одними мотивами, одними интересами – любви»⁵. Таким образом, Некрасова буквально воспроизводит миф о любовной проблематике как специфической для женского творчества. Тем самым, явно не желая того, она снижает оценку дарования Марченко и актуализирует стереотипы восприятия женского творчества как несовершенного, в своем роде ущербного.

Следование стереотипам находим и в других суждениях Некрасовой. Так, она упрекает писательницу в двух основных художественных изъянах, которыми обычно укоряли именно женских авторов, – невнимании к мужскому персонажу и редуцировании общественной проблематики⁶. Причем, отмечая эти типично «женские» недостатки, Некрасова апеллирует к критическим отзывам современников писательницы и неоднократно повторяет ранее прозвучавшие оценки. Например, называя большую часть произведений писательницы «осколками первых повестей», она почти буквально повторяет замечание Н.А. Некра-

сова о том, что у писательниц «лучшие произведения – первые повести; остальные – вариации на одну и ту же тему»⁷. Говоря о том, что Марченко, действующая как защитница женского чувства, «впадает в неизбежный недостаток каждого адвоката – умалить противника и возвести на недосыгаемый пьедестал своего клиента» (411), Некрасова подхватывает мысль анонимного автора разгромной рецензии на роман «Разлучники» о писателе-адвокате, который «чернит и пачкает других лиц в оправдание своего клиента»⁸. С нашей точки зрения, отмеченные переключки не являются простыми повторениями, они свидетельствуют о близости подобных представлений самой Некрасовой. Они также позволяют сделать вывод об «изначально маскулинной запрограммированности критика-женщины и боязни нарушить эти конвенции»⁹.

Вместе с тем Некрасова показывает, что традиционные установки оказываются недостаточными для того, чтобы оценить значение творчества писательницы. Она пытается пересмотреть существующие предубеждения и вносит свои коррективы, задавая новую систему координат. Критик отмечает высокий творческий потенциал Марченко, аттестуя ее как талантливого автора «с прирожденной страстью к писательству». Например, говоря об оригинальности и значимости ее произведений, она акцентирует внимание на художественном новаторстве писательницы в разработке нового типа героини – гувернантки, которая смотрит на труд как на возможность независимого существования: «Это были смелые мысли, отважные поступки, их рядом с литературными достоинствами повестей нельзя было не заметить, не оценить» (408). Некрасова пытается показать, что повесть «Гувернантка» вызвала интерес новой трактовкой героини и получила высокую оценку критики, однако в данном случае выдает желаемое за действительное. Так, она ссылается на В.Г. Белинского, в свое время отметившего книгу Марченко, но эта апелляция оказывается беспочвенной: текст статьи Белинского показывает, что героиня не вызвала к себе его «особенного участия»¹⁰. Белинский рассматривал повесть Марченко в контексте гендерных различий, подчеркивая, что автор – женщина и потому в ее произведениях «... много сердечной теплоты, много чувства, жизнь, не всегда понятая или понятая уже слишком по-женски»¹¹. Героиню повести «Гувернантка» он характеризовал как женщину «чрезвычайно падкую до любовных историй, которые не оканчиваются ничем серьезным»¹². Или же другой пример. Некрасова обращается к статье анонимного рецензента «Финского вестника», который одобрительно отзывался о первом сборнике Марченко: «Книга г-жи Т.Ч. есть одно из самых отрадных явлений нашей литературы. Не гоняясь за решением современных вопросов, она только решает вопросы близкие женскому сердцу»¹³. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается,

что в самой похвале обнаруживаются признаки дискредитации писательницы. Автор воспринимает творчество Марченко именно как «женское» и тем самым заведомо лишает его серьезного значения. Таким образом, положительная оценка Некрасовой растворяется в высказываниях дискриминационного характера, свидетельствующих о том, что художественное новаторство Марченко не было замечено современниками.

Ретроспективная позиция Некрасовой позволяет охватить все произведения писательницы и представить ее творчество как целостное явление. В отличие от первых рецензентов исследовательница отмечает профессиональный рост писательницы, который обнаруживается «в мастерском выполнении не только сцен и картин, но и в тонком психологическом анализе» (415). Показательно, что в центре внимания исследовательницы оказываются произведения, в свое время совершенно не замеченные критикой или получившие негативную оценку, – повести «Вокруг да около» (1855), «Горы» (1856), «Саламандра» (1859) и роман «Мыльные пузыри» (1858), который трактуется как «кульминационная точка литературного и художественного развития писательницы» (410). Некрасова замечает, что мастерство Марченко, проявившееся в этом романе, «вполне могло бы сделать честь перу любого высокоталантливого автора с склонностью заглядывать в душу героев» (417).

Положительную динамику Некрасова видит и в изображении второстепенных женских персонажей, которые «удивляют разнообразием, удачей, цельностью воспроизведения». В частности, она пишет: «Все второстепенные женские фигуры служат ярким доказательством способности автора наблюдать, подмечать самые разнообразные способности души, характера, а главное – воспроизводить цельный женский образ после одной-двух мимолетных встреч» (412).

Иначе оценивает она образы протагонисток, отмечая их однообразие и объясняя это тем, что все они являются вариантами развития одного типа героини – женщины, чьи жизненные интересы ограничиваются исключительно любовными переживаниями. Протагонистка Марченко предстает в отзыве как женщина «сознательная», «думающая», «сильная», «гордая», которой свойственна независимость от общественных условностей. Интерес писательницы к подобного рода героине Некрасова объясняет влиянием творчества Жорж Санд, которая явилась «проезвестницей идей женской эмансипации, их популяризатором» в литературе. Творческое кредо Марченко исследовательница определяет как «горячую защиту бескорыстной свободной любви», олицетворением которой, с точки зрения критика, является образ протагонистки. Однако, по словам Некрасовой, дальше «любить того, кто любит» героиня Марченко не идет. Основанием для такого заключения послужили слова главной

героини романа «Разлучники» (1869), которую исследовательница воспринимает как alter ego автора. Приведем это высказывание: «Вот эти господа спорят тут за равноправность мужчины и женщины, а я кладу для нас – женщин – рамки теснее и горизонт уже <...> Не в ремеслах, не в должностях гражданских должна искать женщина своей равноправности: она богата способностями, никто не спорит, а между тем физической силы у нее же больше и уходит на семейство: таков закон природы; вот почему ее равноправность и гражданственность должны быть в семействе и с семейных ее прав начинаться»¹⁴. Критик аттестует Марченко как «насадительницу» этих идей, которые она заимствует из произведений Жорж Санд. Таким образом, получается, что она отказывает произведениям Марченко в оригинальности, а ее роль сводит к копированию идей французской писательницы.

Анализ очерка Некрасовой показывает, что ее наблюдения слишком противоречивы, фрагментарны и субъективны для того, чтобы дать представление о специфике творчества Марченко, поскольку критик следует сложившимся стереотипам восприятия женского творчества. Вместе с тем очерк Некрасовой позволяет сделать вывод о недостаточности традиционных установок для женщины-критика, которая стремится пересмотреть господствующие представления о женском творчестве. Стараясь показать оригинальность и значимость произведений писательницы, она задает новую систему координат, предлагая отказаться от рассмотрения женского творчества в контексте гендерных различий. Однако попытки преодолеть патриархатные предубеждения оказываются безуспешными: в конечном итоге оценка творчества Марченко сводится к латентно выраженной мысли о заурядности женского таланта. Наш вывод вполне соотносится с тем, что уже неоднократно было сказано по поводу «двойственности» авторской идентификации пишущей женщины XIX в. Оценки, которые дает Некрасова творчеству Марченко, позволяют говорить о сложности и противоречивости самовыражения женщины-автора – и как беллетристки, и как критика, – поскольку она вынуждена была приспособлять свой голос к патриархатным ожиданиям, чтобы оставаться в рамках господствующего дискурса.

Примечания

¹ Творчество Марченко до сих пор не изучено, существует лишь несколько работ, обращенных к ее произведениям (см.: *Zirin M. Women's Prose Fiction in the Age of Realism // Women writers in Russian literature / Ed. by Toby W. Clyman, Greene Diana. Westport, Connecticut-London, Greenwood Press, 1994. P. 77–96; Савкина И. Провинциалки русской литературы (женская проза 30–40-х годов XIX века). Серия FrauenLiteraturGeschichte:*

- Texte und Materialien zur russischen Frauenliteratur. Verlag F.K. Göpfert. Wilhelmshorst, 1998. С. 126–129).*
- ² После смерти писательницы появился краткий некролог и этим на многие годы ограничилось внимание к ней современников (см.: Некролог // Новое время. 1880. 5 ноября. № 1685).
- ³ См.: Некрасова Е. С. Графиня Е. П. Ростопчина // Вестник Европы. 1885. № 5; Она же. Елена Андреевна Ган (Зенеида Р-ва) // Русская старина. 1886. № 8; Она же. Елизавета Кульман // Исторический вестник. 1886. № 12; Она же. Анастасия Яковлевна Марченко (Т. Ч. или А. Темризов) // Киевская старина. 1889. № 11; Она же. Надежда Андреевна Дурова (псевдонимы: Девица – кавалерист, Александров) // Исторический вестник. 1890. № 9.
- ⁴ Очерк Некрасовой до сих пор остается единственным источником сведений о жизни и творчестве Марченко, и к нему апеллируют современные исследователи (см.: Кеда А. А. Марченко Анастасия Яковлевна // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь / Под ред. П. А. Николаева. М.: Изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1994. Т. 3. С. 536–537; Demidova O. Marchenko Anastasija Iakovlevna // Dictionary of Russian women writers / Ed. by Marina Ledkovsky, Charlotte Rosenthal, Mary Zirin. Westport, Connecticut-London, Greenwood Press, 1994. P. 408–410).
- ⁵ Некрасова Е. С. Анастасия Яковлевна Марченко (Т. Ч. или А. Темризов): очерк // Киевская старина. 1889. № 11. С. 411. Далее цитаты приводятся в тексте с указанием страниц.
- ⁶ О критериях оценки женского творчества в критике см., например: Шоре Э. Елена Ган – русская Жорж Санд? // Пол. Гендер. Культура: Немецкие и русские исследования / Под ред. Э. Шоре и К. Хайдер. М.: РГГУ, 2000. Вып. 2. С. 171–185; Строганова Е. Н. Женская критика в литературном процессе второй половины XIX века (Н. Д. Хвоцинская) // О литературе, писателях и читателях: Сб. науч. тр. памяти Г. Н. Ищука / Сост. М. В. Строганов, А. Ю. Сорочан. Тверь: Золотая буква, 2005. С. 92–121; Строганова Е. Н. «Прах и суета»: Женское творчество в оценках Надежды Хвоцинской и ее современниц // Женский вызов: русские писательницы XIX – начала XX века / Под ред. Е. Строгановой и Э. Шоре. Тверь: Лилия Принт, 2006. С. 120–137 и др.
- ⁷ Некрасов Н. А. Заметки о журналах за март 1856 года // Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. Л.: Наука, 1990. Т. 11, кн. 2. С. 244.
- ⁸ [Б. п.] Разлучники. Роман А. Темризова // Отечественные записки. 1869. Т. CLXXXVI. С. 79.
- ⁹ Строганова Е. Н. «Прах и суета». С. 125.
- ¹⁰ Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: АН СССР, 1953. Т. X. С. 353.
- ¹¹ Там же. С. 351.
- ¹² Там же. С. 352.
- ¹³ [Б. п.] Путевые заметки. Соч. Т. Ч. // Финский вестник. 1847. № 8. С. 49.
- ¹⁴ Марченко А. Я. (Темризов А.) Разлучники. СПб.: В типографии д-ра М. Хана, 1869. С. 4–5.